
„ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК” ЭПОХИ ФРАНКЛИНА РУЗВЕЛЬТА И НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПОГОСЯН А. В.

„Забывший человек” – крылатые слова в политическом лексиконе Франклина Рузвельта, обозначившие ключевое понятие его Нового курса. Оно объединяло всех обездоленных эпохи Великой депрессии: внезапно обнищавших представителей независимых средних классов, разорённых фермеров, безработных, низкооплачиваемых рабочих и малоимущих престарелых граждан. Тема „забытого человека” очень актуальна и в наши дни, так как осуществляемые с 1992 года в СНГ экономические эксперименты основаны именно на забвении человека.

Известный российский историк В. В. Согрин так определяет место забытого человека в реформах Рузвельта: „Важным мотивом идеологии и практики Нового курса с самого начала был поворот лицом к „забытому человеку”; после 1935 года этот мотив вообще вышел на ведущее место. Кого включал Рузвельт в понятие „забытых людей”? Фактически десятки миллионов простых американцев: тех, кто не имел работы, достаточных средств для сносного существования, крыши над головой. Эти американцы, по утверждению Рузвельта, составляли не менее одной трети нации. Кем и почему они были забыты? Отвечая на этот вопрос, Рузвельт рассуждал всё более откровенно, пока, наконец, в 1938 году не признал, что ответственность должна быть полностью возложена на государство и крупных собственников, подчинивших себе правительство и управлявших им в своих эгоистических интересах вплоть до начала Нового курса. Тем самым президент отрекся от классических постулатов индивидуализма, возлагающих ответственность за приниженное положение трудящихся на самих трудящихся”¹.

Франклин Рузвельт возложил ответственность за экономический кризис 1929-го года на „экономическую олигархию”, т. е. на монополии, сконцентрировавшие в своих руках более половины производственных мощностей США. Монополии утвердили максимально высокие, недоступные большинству народа цены на товары. Следствием этого

¹ Согрин В. В., *Новый курс Франклина Рузвельта: значение для США и России: материалы III научной конференции*, М., 1995.

были кризис перепроизводства, остановка предприятий, безработица, нищета.

Интересы американских и английских олигархов представляли экономисты первой трети XX века, писавшие в духе школы Адама Смита. Среди них особенно выделялся австрийский специалист в области политической экономии Йозеф Алоис Шумпетер (1883 – 1950), проживавший с 1932 года в США. Шумпетер был апологетом капитализма, хотя и предсказывал конечный триумф социализма. Он подчёркивал роль индивидуального предпринимателя-новатора в хозяйственной жизни общества. По мысли Шумпетера, продлить жизнь капитализму мог только „динамичный” предприниматель, который в своей хозяйственной деятельности постоянно нацелен на нечто новое. Этим понятие новшеств (innovations) ставилось выше понятия технического изобретения (invention). Слово «новинка», заимствованное у Шумпетера, стало лозунгом современной рекламы, а слово „инновация” – лозунгом современной либеральной экономической политики. В настольной книге крупного капитала „Теория хозяйственного развития”, вышедшей в свет в 1912 году, Шумпетер сформулировал следующие пять задач предпринимателя-новатора: изготовление нового товара или товара нового качества; введение нового метода производства; освоение нового рынка сбыта; освоение нового источника получения сырых материалов или полуфабрикатов; осуществление новой организации на рынке, такой, как завоевание монопольного положения или как ломка существующей монополии².

Адам Смит также отводил центральную роль индивидуальному предпринимателю. Но как разительно отличается классический тип капиталиста от «динамичного». Первый – скромный фанатик увеличения стоимости. Второй – экономический сверхчеловек, словами Шумпетера: „носитель хозяйственной власти”. Власть – ключевое понятие теории Шумпетера. Движущим мотивом деятельности классического предпринимателя является абсолютная страсть к обогащению, т. е. к накоплению или расширению капитала. Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Отсюда другой вид страсти – жажда власти. Наконец, скупость, способствующая накоплению, господствует как третий вид страсти. Другое дело, движущие мотивы деятельности

² Schumpeter J. A.: *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. 2. Auflage, Leipzig, 1926, S. 100.

предпринимателя – „новатора”. Шумпетер перечисляет их: „мечта и воля основать частную империю и династию», „воля победителя” и „радость созидания”³. Последний мотив представляет собой страсть к нововведениям, разрушающим целые отрасли промышленности с целью завоевания монопольного положения. Нетрудно видеть, что „воля к империи и династии” есть извращение классической страсти к расширению капитала, воля победителя – осуществление неограниченной жажды власти, а радость созидания через разрушение – торжество скряжничества, стремящегося всё прибрать к рукам.

Как видим, „динамичный” предприниматель Шумпетера есть в лучшем случае олигарх авторитарного типа, в худшем – „фюрер” в своей частной тоталитарной империи. Когда либерал Луи Фишер в начале 1930-х годов призывал Франклина Рузвельта к установлению в США режима „капиталистической диктатуры и белого террора”, он имел в виду появление предпринимателей подобного рода.

Тем не менее приверженцы либерального фундаментализма провозгласили в 1980-е годы „ренессанс” идей Шумпетера, которые, по их убеждению, должны были определять экономическую политику 1990-х годов истекшего столетия. И в самом деле, теория инноваций Шумпетера как попытка активизировать последние резервы капитализма перед его предполагаемым крушением в определённом смысле ориентировала либерализм на поворот лицом к „забытому человеку”. Но неожиданное крушение Советского Союза стало причиной того, что в 90-е гг. оказался затребован не Шумпетер, а монетарист Милтон Фридмен с его примитивной и бесчеловечной идеей „шоковой терапии” как метода стремительного возврата от социализма назад к капитализму. Либеральные экономические эксперименты в СНГ привели к тому, что „забытыми” оказались целые народы.

В конце 1991 года в момент падения СССР либералы, наконец, получили через 60 лет возможность осуществить то, что они тщетно пытались осуществить в США в период Великой депрессии. В России, Армении и других бывших союзных республиках был установлен режим капиталистической диктатуры и белого террора, в котором либералы вообще видели альтернативу режиму советской диктатуры. На смену демократическому централизму пришёл режим либеральной олигархии.

³ Там же, с. 138.

Новый режим предпринял реформу с целью создания „нормальной” капиталистической экономики.

Либеральный эксперимент 1990-х гг. в СНГ окончился грандиозной неудачей. Старая экономика претерпела полное разрушение, новая экономика не была создана. Причина фиаско – кризис либерального фундаментализма, ставшего чисто идеологической доктриной, а именно идеологией тоталитарного капитализма.

Российские либералы прибегли к тому определению свободы, против которого был Рузвельт. Благодаря определению „свобода есть индивидуализм” за годы либерального эксперимента народ был загнан в услужение крупному капиталу, возникшему вследствие внезапного обогащения отдельных лиц в ущерб общественным интересам. Стремительное насаждение западного принципа индивидуализма в СНГ имело крайне тяжёлые экономические и психологические последствия. Источниками внезапного обнищания и унижения массы населения и интеллигенции и столь же внезапного обогащения и возвышения отдельных лиц стали главные правительственные меры – либерализация цен и приватизация государственной собственности. Либерализация цен вызвала не конъюнктурное колебание, а искусственный подъём и удержание цен, не действие механизма свободного рынка, а постоянное монопольное управление рынком. Внезапный подъём, а вернее, великий скачок цен 2 января 1992 года – в несколько десятков раз выше нормального уровня – повлёк за собой прямой грабёж из фонда необходимого потребления населения. Свирепый грабёж с обеденного стола рабочих, крестьян и интеллигенции – первая причина появления „забытых людей”.

В наше время капитализм заимствует своё оправдание из Милтона Фридмена. Будучи применена к СНГ, монетаристская теория Фридмена, поборника „свободного рынка внутри свободной политической системы”, сыграла наихудшую роль. Такие перлы монетаристской мудрости, как „жёсткий контроль над количеством находящихся в обращении денег”, „стремиться свести к нулю коэффициент инфляции”, „повышение уровня жизни – проблема отдельной личности, а не правительства”, „предпочитаете потреблять свой текущий доход (т. е. последнее, например предназначенный для инвестирования „ваучер”), что ж, это ваше личное дело”, „правительство не должно вмешиваться в частные решения посредством увеличения минимальной заработной платы,

налогов и выплат по социальному обеспечению», повергли Ельцина и Гайдара в немое изумление и ожидание чуда. И действительно свершилось „чудо”. Советский народ сразу же был ликвидирован как класс, а именно как средний класс. „Новая историческая общность – советский народ” в действительности был не нов. Он очень напоминал средний класс в чисто западном смысле слова. На Западе уже давно средний класс охватывал тех, кто жил своим трудом, не будучи при этом беден. Усилия американских либералов и европейских социал-демократов прежде всего были направлены на консолидацию именно общества независимых средних классов, которые во все времена были оплотом самоуправления и гражданского общества вообще.

Либеральный эксперимент 1990-х годов в СНГ проводился не столько в антисоциалистическом, сколько в антирузвельтовском духе и поэтому носил не созидательный, а крайне разрушительный характер. Американские консерваторы жестоко отомстили Рузвельту в СНГ. Жертвой стали средние классы бывшего Советского Союза. Эксперимент, осуществлённый частью бывшей партийной верхушки и американскими консерваторами, с первых же шагов уничтожил цель, преследуемую „кабинетом реформ”. Единый средний класс СНГ, пережив страшные потрясения, разделился на два лагеря – на „высший класс” богатых (олигархи) и „низший класс” бедных (народ). Так называемые „реформаторы” были сплошь дилетанты, путавшие либерализм с демократией и не имевшие даже представления о сути американских и европейских направлений идеологии и практики.

В 1991 году, к началу либерально-консервативного экономического эксперимента в СНГ, Фридмен говорил: „Сегодня, когда все в мире признают, что социализм потерпел поражение, а капитализм одержал победу, вряд ли можно сказать, что свободный рынок и тенденция к личной свободе исчерпали себя. С другой стороны, современный либерализм в той форме, в которой он практикуется в Соединённых Штатах со времён Нового курса, ещё не мёртв, но умирает. Люди выражают ему неискренние уверения в преданности”⁴. Фридмен рассматривает социализм как неэффективный способ организации

⁴ Фридмен М., *Соперничество идей: интервью с Милтоном Фридменом и Джеймсом Тобином* (журн. Диалог – США, 1991, № 46, с. 25).

экономической деятельности. В самом деле, в конце 1980-х гг. на фоне общей либерализации социализма командная экономика пришла в упадок: принцип привилегий и бюрократическая опека особенно стесняли экономический рост, склонность к упорному труду угасла, качество продукции приносилось в жертву количеству, неэффективно работающие предприятия нельзя было закрыть. Советский Союз переживал социально-экономический кризис. Тем не менее было бы правильным связывать падение социализма не с экономическими причинами, а с политической катастрофой, вызванной неразумным и некомпетентным реформированием по американскому образцу советской власти и союзного государства. Президентская система правления и федеративное устройство Соединённых Штатов Америки уникальны и неприменимы даже к Западной Европе. Тотальный отказ от элементов парламентаризма и насаждение элементов строгого разделения властей, учреждение постов президента и вице-президента и линия на децентрализацию повлекли за собой ослабление и раскол центра. В условиях отсутствия сильной центральной власти неминуемо сказалась центробежная сила разнородных частей государства. Либеральный централизм эпохи Горбачёва представлял собой не закономерное и необходимое ограничение государственной власти, а пагубное низведение государства до степени „полугосударства”. Конец режима демократического централизма был концом не только деспотии, но и демократии.

Главный представитель современного американского либерализма Джеймс Тобин, полемизируя с Милтоном Фридменом, изложил мотивы дальнейшего развития либерализма в США: „Я не думаю, что современный либерализм умер. Либерализм означает множество разных вещей. Он не представляет собой последовательной идеологии или набора политических курсов, скорее это набор политических и социальных ценностей и позиций. Он нуждается в смелости со стороны людей, разделяющих эти ценности и позиции, а также в адаптации к политическим и социологическим условиям наших дней. Но цели борьбы за гражданские права и равноправие не являются мёртвыми проблемами, равно как и справедливое распределение национального дохода”.⁵ Американский либерализм сблизился с европейским социал-реформизмом. Здесь в особенности важно отметить, что и либерализм

⁵ Там же.

эпохи Рузвельта, и социал-реформизм в теории и на практике налагают известную узду как на капитализм, так и на социализм. Экономические концепции американского либерализма носят правополитический, концепции социал-реформизма (например, доктрина государства всеобщего благосостояния Гуннара Мюрдала или доктрина социального рыночного хозяйства Вальтера Ойкена и Людвиг Эрхарда) левополитический характер.

Политический путь социального консенсуса и компромисса есть путь социальной реформы в собственном и подлинном смысле слова, а именно реформы в интересах общества в целом, а не в интересах какого-то одного слоя населения. Однако люди, сменившие идеологию социализма на идеологию капитализма и превратившие невежество в аргумент, пошли варварским путём чисто капиталистической шоковой терапии. Наступило время экономической магии и ожидания чуда. Как тонко заметил знаток России, американский банкир Мэтью Стивенсон, российское правительство видело в каждом из наводнивших Москву иностранных советников „сибирского монаха, способного исцелить молодую экономику от кровотечения”. Как некогда царь ожидал чуда от Григория Распутина, так теперь батюшка-президент, проникнутый духом прозелитизма, ожидал чуда от наследников традиции английского священника Джозефа Таунсенда – странствующих проповедников, возвеличивавших бедность как необходимое условие богатства. „Одним из советников, странствующих больше других, является профессор Джеффри Сакс из Гарвардского университета, экономический нищенствующий монах, который даёт рекомендации правительству Ельцина по вопросам приватизации. Сакс славится своими выступлениями в защиту так называемой шоковой терапии, т. е. прекращения финансирования неэффективно работающих государственных предприятий и допуска господства рынка. Он наследник традиции профессора Милтона Фридмана, читавшего лекции чилийцам о святости монетарной сдержанности, или даже христианских миссионеров, проповедовавших важность воздержания”⁶. Помимо экономической магии либерально-фундаменталистская теория воздержания обнаруживает также затруднение нравственного характера. „В наше время,— писал В. С. Соловьёв в 1892 году в статье „Социальный

⁶ **Stevenson M.**, *Dealing in Russia* („The American Scholar”, Autumn 1993, Volume 62, Number 4, p. 507).

вопрос в Европе”, – невозможно было бы, без возмутительного лицемерия, проповедовать и проводить в жизнь идеи св. Франциска Ассизского относительно евангельской бедности”⁷. Социальная программа, предлагаемая В.С.Соловьёвым, проста, гениальна и актуальна в наши дни: „Нам важно, с нравственной точки зрения, чтобы все наши ближние были одинаково избавлены от нищеты, но это совсем не значит, что они должны быть одинаково богаты”⁸. Затянувшийся на двенадцать лет либерально-фундаменталистский эксперимент потерпел грандиозную неудачу по той причине, что он был основан не на разуме и науке, а на невежестве и возмутительном лицемерии.

Готовый рецепт выхода из унижительной бедности содержит, по-видимому, подход к решению социальных проблем американского консервативного социолога Чарльза Маррея, критика „сострадательного политика” и политики социального обеспечения вообще. По мысли Маррея, добившийся успеха хирург (адвокат или бизнесмен) есть типичный представитель верхних уровней социоэкономической пирамиды, носильщик – нижних уровней. Программы социального обеспечения, как и деньги вообще, не гарантируют возможность вести образ жизни привилегированного члена общества. С помощью денег, утверждает Маррей, можно получить доступ к вещам и возможностям, но не способность пользоваться ими. И здесь, как он полагает, мы сталкиваемся с проблемой перевёрнутой пирамиды. Суть её в том, что „по мере того, как сфера одарённости сужается, сужается и пирамида возможностей для достижения счастья, и люди, находящиеся у подножия социоэкономической лестницы, – это часто не только самые бедные и необразованные, но также и те, у кого мало возможностей для достижения счастья. Это и есть перевёрнутая пирамида”.⁹ Итак, господствующей тенденцией вертикальной социальной мобильности является движение вниз в системе социальных позиций, а не вверх. Поэтому, полагает Маррей, главную роль в стремлении труженика к счастью играет не социальное обеспечение, а живущее в нём чувство привязанности к „маленьким группам” – коллегам по работе, семье или соседям – и взаимопомощь.

⁷ Соловьёв В. С., *Сочинения в 2-х томах, т. 2, Философская публицистика, Социальный вопрос в Европе. Ответ на анкету Ж. Юре, М., 1991, с. 447-448.*

⁸ Там же, с. 446.

⁹ Маррей Ч., *В стремлении к счастью (Диалог – США, № 43, 1990, с. 12).*

Концепция перевёрнутой пирамиды Маррея делит общество на два общества: одно – общество богатых и „умных”, другое – бедных и „глупых”. Первое населяют маленькие группы выступающих на общественной сцене „достойных людей”, второе населяют общины выступающих на местной сцене „хороших соседей”, помогающих друг другу. Чистая прибыль, которую не следует получать в виде государственной помощи, перестаёт быть предметом зависти и борьбы обеих сторон. В обществе устанавливается социальное равновесие.

В 1990-е годы нам нужна была не статичная экономическая и динамичная политическая модель реформ, а как раз наоборот, динамичная экономическая и статичная политическая модель реформ. Последней соответствовал бы совершенно иной образ реформатора. Как сказал один из коллег Джеймса Тобина, принстонский экономист Алан Блайндер, в заголовке своей книги – манифесте либеральной экономики нашего времени, – нам нужны крепкие головы и мягкие сердца. Именно такой тип реформаторов – знающих и гуманных – нужен был нам. У нас же тон задавали псевдореформаторы, забывшие конкретных людей. Динамичной экономической моделью реформ был и остаётся американский либерализм эпохи Франклина Рузвельта. Либерализм Нового курса был задуман как ответ на тяжёлый экономический кризис, ответ, преследующий двоякую цель: положить конец Великой депрессии и реформировать американскую экономику. Как известно, Рузвельт видел в национальном правительстве инструмент всеобщего благосостояния, а в эксперименте – метод демократии. Что касается американского консерватизма, то он изначально вообще не был ориентирован на выход из экономического кризиса и на эксперимент. Статичная теория Милтона Фридмена затрудняет даже переход к рынку. Главный упор Фридмен делает на жёсткий контроль над инфляцией, а не на рынки в собственном смысле. Джеймс Тобин справедливо полагает, что на экономический процесс в равной мере оказывают влияние как рынки, так и количество находящихся в обращении денег. Получается абсурд: Сакс и Гайдар, применившие к СНГ монетаристскую теорию Фридмена, стремились к рыночной экономике без рынка. В 1981 году Джеймсу Тобину была присуждена Нобелевская премия за анализ влияния финансового и потребительского рынков на занятость, производство и цены. Тобин убеждён, что нужна энергичная финансово-бюджетная политика, ставящая перед собой цель добиться быстрого экономического роста и

полной занятости. Для достижения поставленной цели необходимо поддерживать коэффициент инфляции между четырьмя и пятью процентами и принять соответствующий числовой показатель за нуль. Сведение к нулю коэффициента инфляции ведёт к росту безработицы и спаду производства, обходится слишком дорого и не является необходимым. Способность правительства успешно управлять экономикой не должна ставиться под сомнение. Важно различать макроэкономическую и микроэкономическую роли правительства. В осуществлении финансовой политики важную роль играет макроэкономическое вмешательство центрального государственного банка, который в состоянии посредством „точной настройки” добиться длительного и плодотворного периода оздоровления. Что касается микро-экономики, то здесь государственное вмешательство в экономику ограничивается лишь случаями деформаций механизма рыночного регулирования, вытеснения монополиями конкуренции, нереагирования частных лиц или рынков на побочные эффекты.

Американский либерализм есть правоцентристская разновидность „третьего пути между капитализмом и социализмом” ближе к капитализму, социальное рыночное хозяйство – левоцентристская разновидность „третьего пути” ближе к социализму. Третий путь есть путь к гражданскому обществу. Капитализм и социализм, в равной мере претендующие на роль «союза свободных людей», представляют собой извращения гражданского общества.

В наши дни либерализм вверг Россию, Украину, Армению в разруху и отчаяние, сравнимые по масштабам лишь с разрухой и отчаянием, в которые он вверг Запад в эпоху мирового экономического кризиса 1929 года. Сейчас, как и тогда, освободить „забытого человека” от услужения крупному капиталу может только социальный либерализм рузвельтовского стиля.

ՖԻՆԱՆՍԱԿԱՆ ՌԵԳՎԵԼՏԻ ԴԱՐԱՇՐՁԱՆԻ ԵՎ ՄԵՐ ԺԱՄԱՆԱԿԻ «ՍՈՌԱՅՎԱԾ ՄԱՐԴ»

ՊՈՂՈՍՅԱՆ Ա. Վ.

Ամփոփում

«Սոռացված մարդը» Ֆ. Ռուզվելտի քաղաքական բառապաշարում միավորում է մեծ լճացման տարիների բոլոր տնանկներին՝ հանկարծակի աղբատացած անկախ միջին դասակարգի մարդկանց, սնանկացած ֆերմերներին,

գործագուրկներին, ցածր վարձատրվող բանվորներին և ծերացած չքավոր քաղաքացիներին: «Մոռացված մարդու» թեման հրատապ է և մեր օրերում, որովհետև 1992 թ. սկսած՝ ԱՊՀ երկրներում տնտեսական փորձարարությունները իրականացվում են հենց մարդուն մոռացության մատնելու հենքի վրա:

Մեր օրերի ազատամտությունը Ռուսաստանը, Ուկրաինան, Հայաստանը նետել է ավերածության և հուսալքումի մեջ, որպիսիք կարող են համեմատվել միայն Արևմուտքը 1929 թ. տնտեսական ճգնաժամի մեջ գցած արհավիրքների հետ: Այժմ, ինչպես և այն ժամանակ, «մոռացված մարդուն» խոշոր կապիտալի շահատակություններից կարող է փրկել միայն ռուզվելտյան բովանդակության սոցիալական ազատամտությունը: